

На правах рукописи

Мавлюдова Ляйсан Ирековна

**СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань 2004

Диссертация выполнена на кафедре романо-германской филологии
государственного общеобразовательного учреждения высшего профессионального
образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Научные руководители – доктор филологических наук,
профессор **Е.Ф. Арсентьева**
профессор **Ф. Бланше** (Франция)

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор **В.В. Химик**
кандидат филологических наук,
доцент **С.Г. Макарова**

Ведущая организация – Казанский государственный
технологический университет

Защита состоится «___» ноября 2004 года в ___ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора
филологических наук в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина
(420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского
Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан «___» октября 2004 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

Предметом исследования в реферируемой работе является сопоставительная характеристика субколлоквиальных фразеологических единиц (СФЕ) французского и русского языков и типы их межъязыковых соответствий. Выбор в качестве объекта исследования субколлоквиальных фразеологических единиц продиктован недостаточной изученностью данного пласта фразеологии в двух сопоставляемых языках.

Под термином субколлоквиальные фразеологические единицы мы понимаем фразеологические единицы (ФЕ), занимающие на шкале стилистического распределения позицию ниже разговорных ФЕ.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время российское общество переживает время резкой активизации сниженных единиц языка в современной речи, что связано с переломным этапом в истории нации. Употребление субколлоквиальных фразеологических единиц мы можем отметить как в ткани художественного текста, так и в современном публицистическом тексте: от выступлений политических деятелей до рекламных слоганов, субколлоквиальные ФЕ «льются» обильным потоком с экранов телевизоров и из радиоприемников. Таким образом, лингвист, занимающийся изучением современной фразеологии, не может обойти своим вниманием ее субколлоквиальные единицы, так как они есть объективная реальность современной языковой ситуации.

Учитывая тот факт, что «фразеология покрывает наиболее субъективно значимые фрагменты действительности» [Мокиенко 1999:83], изучение субколлоквиального фразеологического словаря на уровне тематических групп позволяет составить представление о наиболее важных концептуальных доминантах языковой картины мира современного социума, его системы ценностей и особенностей национально-культурного мировосприятия, дает возможность ярче представить общее и различное на уровне фразеологии, вскрывает системные явления в периферийных областях фразеологических фондов. Тематическая систематизация субколлоквиального материала также позволяет и установить полиэквивалентные межъязыковые фразеологические отношения ФЕ французского и русского языков, и выделить безэквивалентные СФЕ уже на тематическом уровне, что повышает актуальность и практическую значимость работы.

Целью данной диссертационной работы является выявление сходств и различий субколлоквиальных ФЕ французского и русского языков на функционально-стилистическом, эмоционально-экспрессивном и сигнификативно-денотативном уровнях фразеологического значения.

Задачи исследования:

- 1) вычленив из фразеологических фондов французского и русского языков субколлоквиальные ФЕ;
- 2) дать их функционально-стилистическую и экспрессивно-стилистическую характеристику;
- 3) выделить основные тематические группы внутри исследуемого субколлоквиального фразеологического корпуса, общие для обоих изучаемых языков и специфические для каждого из них в отдельности;
- 4) выявить и сопоставить количественную наполняемость тематических групп субколлоквиальных ФЕ французского и русского языков;
- 5) проанализировать факторы формирования межъязыковой фразеологической эквивалентности на материале субколлоквиальных ФЕ;
- 6) установить типы межъязыковых фразеологических соответствий субколлоквиальных ФЕ: полные и частичные эквиваленты, полные и частичные аналоги;
- 7) выделить группу безэквивалентных субколлоквиальных ФЕ и определить способы их перевода.

Научная новизна. В работе впервые проводится анализ существующей научной литературы по проблемам субколлоквиальной фразеологии как французских, так и отечественных исследователей. Проведено распределение субколлоквиальной фразеологии по функционально-стилистическим регистрам и выявлено своеобразие наполняемости данных регистров в сопоставляемых языках. Впервые произведено распределение субколлоквиальной фразеологии по тематическим группам и выявлена количественная наполняемость групп и подгрупп. Новизна заключается также в комплексном подходе к исследуемому материалу: субколлоквиальная фразеология французского и русского языков рассматривается на фоне других стилистических регистров, представленных во фразеологии, а также на уровне семантических и тематических групп и, наконец, на уровне фразеологического значения.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации основных категорий социолингвистики, нормативной лексикографии и функциональной стилистики, необходимых для характеристики сниженных ФЕ; в наличии новой информации, подтверждающей присутствие системных закономерностей в сфере субколлоквиальных фразеологических единиц, которые находятся на периферии фразеологического фонда.

Практическая ценность работы определяется возможностью использовать материалы исследования и результаты анализа в практике составления как общих двуязычных фразеологических словарей, так и специальных словарей сниженной фразеологии, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по сопоставительной фразеологии, социолингвистике, арготологии и, в целом, в практике преподавания французского языка.

Методы исследования. В процессе сопоставительного исследования СФЕ были применены методы фразеологической идентификации и фразеологического анализа А.В. Кунина, дистрибутивный анализ, компонентный (семный) анализ в сочетании с методом словарных дефиниций и контекстным анализом, метод синхронного сопоставления ФЕ, разработанный А.Д. Райхштейном, и метод этимологического анализа. В качестве вспомогательного метода для уточнения информации об употребляемости и стилистической окрашенности ФЕ использовался метод опроса информантов.

Материалы исследования. Фразеологический корпус, являющийся объектом данного диссертационного исследования, был извлечен методом сплошной выборки из одно- и двуязычных фразеологических и специализированных словарей. За основу были приняты Французско-русский фразеологический словарь (под ред. Я.И. Рецкера, 1963), Фразеологический словарь русского литературного языка (Федоров 1997) и Словарь разговорной лексики французского языка (Гринева, Громова, 2001). Отобранные из Французско-русского фразеологического словаря ФЕ были проверены по Словарю разговорной лексики французского языка на степень их устарелости. Устаревшие и устаревающие ФЕ как во французском, так и в русском языках не включены в материал исследования. Список ФЕ был значительно расширен за счет ФЕ из словарей: *Dictionnaire de l'argot français et de ses origines* (Colin, Mével, Leclère 2001), Словаря русского арго (Елистратов 2000), Большого словаря русского жаргона (Мокиенко, Никитина 2000) и ряда других изданий. Ценные для исследования этимологические сведения были получены из словарей: *Фразеологизмы в русской речи* (Мелерович, Мокиенко 1997), *Опыт этимологического словаря русской фразеологии* (Шанский, Зимин, Филиппов 1987), *Dictionnaire des expressions et des locutions* (Rey, Chantreau 2002).

Источниками иллюстративного материала послужили художественные произведения французских и русских писателей и поэтов конца XX века, материалы печатной прессы последних лет. Общее количество отобранных из словарей ФЕ составляет 4 тысячи единиц (примерно по 2 тысячи для каждого языка). Личная картотека примеров насчитывает 621 для русского языка и 415 для французского языка.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета, всероссийских научно-практических конференциях – «Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте» (Челябинск, 2001) и «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 2002), «Язык и методика его преподавания» (Казань, 2004), на Первой выездной академической школе для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ (Казань, 2001), международных конференциях – «Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика» (Казань, 2001) и «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы» (Казань, 2004).

Объем и структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, словарей и источников, списка принятых в работе сокращений.

Содержание работы.

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и новизна, определяются цели, задачи и методы исследования, формулируется его теоретическая и практическая значимость.

В **главе I** «Характерные особенности стилистически сниженных фразеологических единиц французского и русского языков», которая состоит из трех параграфов, определяются соотношение терминов, обозначающих сниженные пласты лексики и фразеологии в современной отечественной и французской лингвистике, дается историческая справка изучения аргю, жаргонов и просторечия и современное состояние арготологии, уточняются функционально-стилистическая и экспрессивно-стилистическая характеристики СФЕ, а также рассматривается явление подвижности стилистических границ. История изучения стилистически сниженных ФЕ (раздел I.1.) неразрывно связана с исследованием таких явлений, как просторечие, жаргоны и аргю. Сниженные лексические и фразеологические единицы какое-то время оставались пасынками отечественной лингвистики. В российском языкознании сниженные фразеологические единицы изучались либо в нормативно-стилистическом, либо в диалектологическом аспектах в работах В.М. Жирмунского, В.В. Стратена, А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова, Ф.П. Филина, Л.П. Якубинского, Д.С. Лихачева, Б.А. Ларина, Л.И. Скворцова, В.Л. Бондалетова и др.

На современном этапе отечественное языкознание изобилует терминами для обозначения сниженных лексико-фразеологических образований: литературное просторечие, внелитературное просторечие, старое просторечие, городское просторечие («новое» просторечие, жаргонизированное просторечие), жаргон, интержаргон (общий жаргон, сленг), аргю. Литературное просторечие как термин есть результат научной дискуссии, развернувшейся в советской лингвистике в 70-х гг. прошлого столетия и связано с именем

проф. Ф.П. Филина. Литературное просторечие, «служащее границей литературного языка с народно-разговорным языком, - особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности» [*Большой энциклопедический словарь «Языкознание» 2000:402*]. Внелитературное просторечие представляет собой элементы речи малограмотных людей. Термины «арго» и «жаргон» в российской лингвистике могут употребляться и как синонимы, и со следующим различительным оттенком: арго – это особый язык социальной или профессиональной группы, отвечающий потребностям герметизации общения. В узком смысле арго обозначает язык преступного мира (уголовный жаргон). Жаргон – это нетайный социолект (в отличие от арго, чья основная функция криптологическая), используемый отдельными профессиональными и возрастными группами. В современных исследованиях дифференцируются «старое» просторечие, имеющее в своей основе диалектную базу, и «новое» просторечие, питающееся за счет жаргонов и арго. Это последнее предлагают обозначать то как общий жаргон, то как сленг, то как интержаргон, то как жаргонизированное просторечие. В.В. Химик определяет эту подсистему как «совокупность популярных, но субстандартных слов и речений, привлекаемых из частных жаргонных подсистем лексики ..., представляющую собой наддиалектное интегральное явление» [*Химик 2000:14*].

Французское арго восходит к XIII веку. Вначале термином «арго» обозначали «сообщество воров», термин «жаргон» функционировал в значении «язык преступного мира» до 17 века. Затем в этом значении он заменяется термином «арго». В XIX веке с исчезновением во Франции крупных бандитских группировок, члены которых растворяются в низших слоях общества, элементы их речи входят в просторечие. Эволюция отношения к французскому просторечию связана с эволюцией отношения общества к их носителям. Изначально французское просторечие – это ненормативная речь, характерная для необразованной или недостаточно образованной части общества. Особенностью развития французского просторечия является его первоначальное отражение в литературе, а не в лингвистической науке. В целом современное французское языкознание тяготеет к расширению термина «арго». На рубеже XX и XXI веков французские арготологи говорят о существовании арго во множественном числе, так как данным термином обозначают различные варианты речи: язык преступного мира, групповые, социальные, возрастные, профессиональные жаргоны, и вводят понятие «арготические варианты речи» («des parloirs argotiques»). В сравнении с французской, отечественная лингвистика отдает предпочтение термину «жаргон». Французские лингвисты констатируют возникновение так называемого «общего арго» в начале XXI века – смеси из собственно арготизмов, разговорной лексики и

просторечных слов. В этом они сближаются с российскими лингвистами, которые называют «общий жаргон» (приблизительно совпадающий по своему определению с «общим арг») феноменом конца XX века [Земская 2001].

Функционально-стилистическая градация сниженных ФЕ (раздел I. 2) носит весьма условный характер в контексте настоящей демократизации общества и языка, поэтому мы объединяем ФЕ, маркированные в словарях как «прост.», «грубо-прост.», «жарг.», «арг.», «рор.», «arg.» термином субколлоквиальные ФЕ. При этом мы выводим из поля нашего исследования ФЕ языка преступного мира и ФЕ-профессионализмы, которые, по нашему мнению, в силу своего большого объема заслуживают отдельного диссертационного исследования.

Рассматриваемый пласт отличается, с одной стороны, богатством эмоционально-экспрессивных оттенков, с другой стороны – подчеркнутой сниженностью заключенной в них экспрессии. Экспрессивно-стилистическая характеристика СФЕ отличается эмоциональными оттенками неодобрительности, пренебрежительности, иронии, презрения, порицания: *pisser de la copie* – презр., *prendre la vache et son veau* – предосуд., *bouffer des briques* – пренебр., *гнаться за длинным рублем* – неодобр., *голова соломой набита* – пренебр., *проветрить мозги* – ирон., *ломать из себя кого* – презр., *парить бока* – предосуд.

Подвижность стилистических границ рассмотрена в разделе I. 3. Этот феномен – актуальный вопрос современной лингвистики. Данное явление обусловлено как внутренними эволюционными тенденциями развития отдельно взятого языка, так и экстралингвистическими причинами, следствием которых становится демократизация (варваризация в терминологии Б.А. Ларина). Стилистически сниженная фразеология представляет собой нормативно неоднородный пласт, поэтому первыми в категорию межстилевых фразеологизмов переходят разговорные ФЕ, а затем ФЕ общего арг/жаргона и уже потом просторечные. Демократизацию языка следует рассматривать как объективный процесс и не стоит принимать ни радикально пуристического, ни радикально антинормализаторского подхода. Необходимо рассматривать СФЕ как объективную данность и последовательно воспитывать чувство меры и вкуса в нации [Химик 2000].

В главе II приводится сопоставительное описание тематики субколлоквиальной фразеологии. Субколлоквиальная фразеология характеризуется богатством словарного состава при относительной ограниченности покрываемой тематики (раздел II. 1.). Избирательность субколлоквиальной тематики, заключающаяся в предпочтительной номинации таких сюжетов как быт, эмоции, тело, пейоративные действия, материальные ценности, отношения между людьми тесно связана и обусловлена мировоззрением его носителей. Субколлоквиальный словарь – есть продукт народного творчества, а для

народного творчества всегда было свойственно то, что М.М. Бахтин определил как карнавальное мироощущение. Карнавализация жизни в концепции Бахтина предстает как отступление от норм этических, социальных, моральных, что является для народа способом душевной разрядки, разумного противостояния обыденности и вызова «правильной» жизни [Бахтин 1975].

Субколлоквиальную фразеологию можно подразделить на 4 сферы: «Бытовое», «Эмоциональное», «Социально-государственное» и «Интеллектуальное» (классификация была заимствована из работы Э.М. Береговской, посвященной анализу французского аргю [Береговская 1975]). Преобладающее большинство СФЕ в сравниваемых языках закреплено за сферой «Бытовое», что вполне естественно, так как данный фразеологический пласт имеет общепризнанную бытовую направленность, будучи непосредственным народным продуктом. Крупные семантические сферы совпадают в изучаемых языках, их внутреннее подразделение на более мелкие тематические подгруппы не всегда таково. Национально-культурное своеобразие французского и русского языков в тематическом аспекте субколлоквиальной фразеологии заключается скорее не в самом тематическом наборе СФЕ, а в их распределении на оси «центр-периферия», в тематических доминантах и их конкретных распространителях. Во французском языке в семантической сфере «Бытовое» наиболее крупными тематическими группами являются: «алкоголь/пьянство» (155 СФЕ), «тело» (150 СФЕ), «человек и его характеристики» (145 СФЕ), «деньги» (81 СФЕ), «еда/отсутствие еды/голод» (53 СФЕ), «драка/расправа» (53 СФЕ), «передвижение» (51 СФЕ), «смерть» (51 СФЕ), «любовь/любовные отношения» (29 СФЕ), «обман/мошенничество» (28 СФЕ), «безделье/пустословие» (24 СФЕ). В русском языке: «человек и его характеристики» (120 СФЕ), «алкоголь/пьянство» (70 СФЕ), «деньги/богатство/бедность/денежные отношения» (65 СФЕ), «затруднительное положение (попасть, поставить, находиться)» (53 СФЕ), «тело» (50 СФЕ), «драка/расправа» (41 СФЕ), «передвижение» (41 СФЕ), «ссора/нагоняй/критика» (38 СФЕ), «обман/мошенничество» (38 СФЕ), «безделье/праздность/пустословие» (36 СФЕ), «смерть» (34 СФЕ), «принуждение» (21 СФЕ).

Уникальными для русского языка являются группы «дружба», «принуждение», «сопротивление», «иждивение», «выражение количества». Примечательно, что при выражении количества, основными мерилami этого является несколько понятий субколлоквиальной ценностной картины мира, а именно: «алкоголь», «еда»: *есть не хочу, пей не хочу, на один зуб, для сугрева*.

Во французском языке подобными специфическими группами являются «представители власти», «явления природы», и многочисленные группы по обозначению разнообразных аспектов человеческого тела, «низа» и связанных с ними процессов.

К семантической сфере «Эмоциональное» были отнесены СФЕ, выражающие чувства и эмоции говорящего. Наибольшей представленностью отличаются ФЕ, выражающие возмущение: *se mettre en pétard, будь (трижды) проклят кто, что, леший тебя дери!*; недовольство: *faire la bobbe, чтоб ты лопнул (а), черт несет кого*; злость: *piquer la rogne, катись ко всем чертям*; раздражение: *avoir mangé de l'oseille, мотать нервы*; надоедливость: *les briser à qn, faire chier, мозолить глаза*; пренебрежение: *je m'en fiche et je m'en contrefiche!, катись колбаской по улице Спасской*; обида: *держат сердце на кого*; ненависть, нетерпение: *avoir qn dans le pif, видал в гробу (в белых тапочках) кого*; удивление: *mastiquer une fissure, вот так клюква!*; недоумение: *глаза на лоб (лезут, полезли) у кого*; изумление: *разевать варежку*; восторг: *хрен в голову кому!*

Следует отметить, что в русском языке одни и те же СФЕ сферы «Эмоциональное» служат как для выражения смежных отрицательных чувств, эмоций, так и для выражения одновременно отрицательных и положительных эмоций, т.е. последние отличает диалектическая противоречивость. С другой стороны, данный факт подтверждает тезис о диффузности фразеологической семантики, в целом, и ее сниженного пласта, в частности [Лихачев 1996, Мокиенко 2000, Телия 1995, Химик 2000, Чекалина 1991].

При анализе фразеологического состава сферы «Эмоциональное» нами были отмечены случаи группировки следующих отрицательных эмоций:

а) гнев-раздражение-негодование-возмущение-недовольство: *лопаться от злости, послать к чертям собачьим кого, послать к чертовой бабушке кого, кой хрен!, что за черт!, черт тебя (тя) задави, черт бы взял кого*;

б) презрение-пренебрежение-недовольство: *видал в гробу что, воротить рыло, плевать хотел на кого, на что, к едрене (ядреной) фене*.

Следующие СФЕ, в зависимости от конкретной ситуации их употребления, могут выражать два полюса эмоций «восторг↔возмущение»: *черт возьми!, хрен в голову кому, царица небесная, черт возьми кого, чего, нес его задери!, чтоб пусто было кому*.

На особом счету во французской субколлоквиальной сфере «Эмоциональное»:

а) междометные фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что многие из них либо сопровождаются, либо ассоциируются в памяти носителей языка с определенными жестами: *mon oeil!* – ироническая реакция, выражающая недоверие в правдоподобности сказанного, при этом нижнее веко немного оттягивается вниз указательным пальцем.

б) так называемые «фразеорефлексы» [Гак 1995] – клишированные ситуативные реакции: *baisse ton capot, on voit le moteur* – ироничное высказывание в адрес женщины, у которой слишком короткая юбка (ср. в русском языке *магазин до сколько открыт?*). Особенностью подобных СФЕ французского языка является их рифмованный характер. Зачастую рифма достигается посредством включения имени собственного, которое рифмуется с основной фразой и не имеет иной функции, кроме как служить образованию рифмы: *cool, Raoul!* («спокойствие!»); *à l'aise, Blaise* («легко»); *je vous en donne en mille, Emile* («споря»).

Итак, субколлоквиальную семантическую сферу «Эмоциональное» в рассматриваемых языках отличает, во-первых, преобладание обозначения отрицательных чувств и эмоций над положительными, которые звучат здесь «форте или даже фортиссимо» [Береговская 1999], во-вторых, в данном семантическом классе значительную часть занимают характерные для арготической риторики периферийные формы фразеологизмов – штампы, клише, крылатые выражения. В подобном обращении к фразеорефлексам мы усматриваем одно из проявлений арготического мировоззрения, в котором каждый объект, явление, эмоция, чувство занимают определенную позицию в шкале ценностей (ср. определение Ж.-П. Гудайе арготического словаря как «учебника по моральной ориентации» («un manuel à l'orientation morale») для его носителей) [Goudaillier 1991] и, соответственно, заранее подготовленную реакцию на свое проявление.

Семантическая сфера «Социально-государственное» в области субколлоквиальной фразеологии является относительно немногочисленной в обоих языках и не отличается многообразием обозначаемых. Данный факт не говорит о том, что социально-государственная тематика не присутствует в субколлоквиальном словаре, но, как показывают наблюдения, основная ее часть представлена в виде лексики, а не фразеологии. Здесь получают свое выражение такие понятия, как «армия», «дифференциация лиц по роду деятельности», «социальная дифференциация», «мультинациональная тема»: *fille de noco, marchand de mort subite, (om) косить от армии, ночная бабочка*.

К семантической сфере «Интеллектуальное» относятся тематические группы «понимание», «мышление», «объяснение», «умственные способности». В субколлоквиальном словаре фактическая деятельность, как показывают наблюдения, преобладает над мыслительной. В обоих изучаемых языках семантическая сфера «Интеллектуальное» невелика по количественному составу по сравнению со сферами «Бытовое» и «Эмоциональное». Если сравнивать между собой французский и русский языки на срезе семантической сферы «Интеллектуальное», то последний представляет более чем в два раза больше ФЕ, чем французский язык: 35 ФЕ против 15 ФЕ. В качественном

отношении аналогичные семантические сферы также отличаются в рассматриваемых языках. Если во французском языке внимание акцентируется на факте утраты умственных способностей: «спятить, быть тронутым»: *travailler du bigoudi, être dig(ue)-dig(ue)*, то в русском языке отражается собственно умственная деятельность: «понимание»: *дойти своей головой*; «мышление»: *ворочать мозгами*; «объяснение»: *вкладывать в рот*; «умственные способности»: здесь, как и во французском языке, ярко выражен акцент на отсутствие, утрату их: *вступило в голову, сойти с катушек*, хотя встречаются случаи одобрительной оценки выдающихся умственных способностей: *котелок, голова варит у кого*. Общая специфика «снижения», характерная для социальных диалектов, т.е. конкретизация абстрактной лексики, особенно заметна на примере данной семантической сферы.

В разделе II. 2 рассматривается вопрос о развитой субколлоквиальной синонимике и освещается ее выражение в исследуемом материале. Под фразеологическими синонимами мы понимаем ФЕ, обозначающие один объект действительности и относящиеся к одному разрядному классу [Кунин 1996].

Причин богатой субколлоквиальной синонимике несколько. Первый круг причин носит мировоззренческий характер. «Центры синонимической аттракции отражают те сферы жизни и деятельности языковых коллективов (или коллектива), в которых эмоциональная нагрузка высказывания диктуется материальными условиями, *общей идеологией членов коллектива*» (курсив – Л.М.) [Беляева, Хомяков 1985:80].

Таким образом, как в тематических группах, так и в центрах синонимической аттракции мы склонны усматривать еще одно выражение избирательности мировоззрения носителей субколлоквиального словаря, наделяющей одни объекты, понятия, явления окружающей действительности десятками синонимов, а другие – ни одним.

Второй круг причин затрагивает проблему поддержания экспрессивности. Экспрессивность имеет тенденцию стираться при частом употреблении, поэтому для ее поддержания народное «словотворчество» (выражение Е.Д. Поливанова) постоянно находится в активном поиске свежих образов и рождает новые ФЕ взамен утративших необходимый эмоциональный заряд старых.

Наиболее объемными как в русском, так и во французском субколлоквиальных словарях являются синонимические ряды, отражающие наиболее общие эмоциогенные понятия, относящиеся преимущественно к бытовой сфере жизнедеятельности. Во французском языке это синонимические ряды, соотносящиеся с такими денотатами, как «mourir», «manger», «boire», «s'enfuir», «être ivre», «battre», «avoir peur», «exagérer», «tromper», «se taire», «échouer», «partir», «tomber» и т.д., то есть в большинстве своем с денотатами действия. Сходный преобладающий действенный характер отличает и

синонимические ряды русского языка, связанные со следующими денотатами: «глупый, бестолковый человек», «ругать, бранить», «бить, избить», «болтать, пустословить», «пить спиртное», «убегать», «работать», «идти, уходить», «умереть», «выражение удивления, разочарования», «думать», «говорить неправду», «принуждать», «трудная ситуация» и т.д. Как видим, самые обширные синонимические ряды характерны в целом для крупных тематических групп. Члены синонимических рядов, в основном, коннотативно однородны и являются частичными семантическими синонимами, оттеняющими разные стороны обозначаемого явления: *se piquer le nez – avoir une pistache – avoir fait le plein – avoir son plumet (plumet) – en avoir le coup dans la porte-pipe – prendre son lit en marche – avoir un coup de sirop – tenir une bonne cuite – en avoir le coup dans la trompette (быть пьяным); пустая башка – голова еловая – дура-голова – дурная голова – ежовая голова – курья голова – мякинная голова – посконная голова – чугунная голова – пень березовый; указывающими на различную степень проявления признака, действия: jouer des dominos – s'en mettre plein la lampe – s'en mettre plein le col – bouter le mastic – faire jockey; закладывать за галстук – хлестать из горла – напиться до поросычьего визга; а также указывающими на другие смысловые отличия: casser la pipe – boire à la grande tasse – se casser la margoulette; вильнуть хвостом – брать ноги в руки – воротить оглобли – наострить лыжи – поддавать ходу – сматывать удочки.*

Во французском языке особняком стоит следующий синонимический ряд: метонимическая субституция личных местоимений (в основном 1-го и 2-го лица единственного числа). Во-первых, следует сказать, что данное явление не имеет ни формальных, ни функциональных аналогов в русском языке: *mes pieds, ma gueule, ma viande; tes pieds, ta gueule, ta viande*. Во-вторых, здесь мы видим обширное употребление фитоморфизмов, очень характерных для французского языка: *ma (ta) cerise, ma (ta) poire, ma (ta) pomme*.

Следующей особенностью субколлоквиальной синонимии в сопоставительном аспекте является синонимическая гипертрофированность французского языка. Максимальная зафиксированная нами длина синонимического ряда во французском языке – 51 ФЕ, тогда как в русском 26 ФЕ. Данному факту можно найти несколько объяснений. Во-первых, подобная синонимическая гипертрофированность свойственна в целом корпоративным социальным диалектам, и, по-видимому, традиции классического аргю маргиналов наложили свой отпечаток на общее аргю французского языка. Но основная причина заключается в структурно-семантических приемах, используемых для порождения фразеологизмов во французском субколлоквиальном словаре. Во французском языке активно действует принцип «семантических матриц» (в терминологии Л.-Ж. Кальве).

Данный принцип распространяется не только на субколлоквиальную, но и на общую часть словаря [Calvet 1999]. Семантическая матрица – суть общая образная идея, на базе которой по аналогии с ней создаются новые слова и выражения с заранее предсказуемым значением, так как оно (это значение) связано отношениями аналогии с общей идеей матрицы. Одна из таких базовых матриц сводит понятие «деньги» к понятию «еда». Словами и выражениями, обозначающими продукты питания, во французском языке обозначают «деньги» и «денежные отношения». Отправной образ весьма прозрачен: деньги служат для покупки еды, и соответственно их получают наименования съедобных продуктов [Кальве 1999:35-37]. В области субколлоквиальной фразеологии мы встречаем следующие выражения, созданные по модели данной семантической матрицы: *gagner son pain, gagner son bifteck, gagner son fric, claquer sa galette, avoir de l'oseille, piquer du pognon, ne pas avoir un radis*. То, что Л.-Ж. Кальве применительно к французскому языку именует «семантическими матрицами», в русской фразеологической традиции носит название описательной фразеологической модели.

Далее следует сказать, что во французском языке особенным образом преломляется, так называемый, «закон Шпербера» – один из универсальных тенденций в области метафорического переноса. В соответствии с законом Шпербера, если в определенный отрезок времени какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни определенного общества и одно слово из данного комплекса изменяет значение, то и другие слова близкой семантики последуют за этим словом. С другой стороны, понятия этого комплекса идей постоянно притягивают к себе новые наименования. Итак, мы наблюдаем во французском субколлоквиальном словаре два этапа воплощения данного «закона Шпербера». На первом, более общем этапе придумывается глобальная идея семантической матрицы (к примеру, расхожая семантическая матрица «продукт питания» → «средство к существованию»), которая получает свое выражение в ФЕ разных видов грамматических структур. Основополагающим фактором является следование общей идее матрицы, т.е. семантическая регулярность. На втором, более частном этапе берется за основу конкретная ФЕ, и она обновляется за счет смены компонента, близкого по смыслу тому, который он заменяет.

Таким образом, моделированные ФЕ минуют стадию переосмысления прямого, номинативного значения сочетания [Мокиенко 1989]. Марсель Швоб при описании арготической лексики назвал этот процесс синонимической деривацией. Синонимы, таким образом, иррадиируют и в итоге выстраиваются в объемные синонимические ряды.

Семный анализ сигнификативно-денотативного макрокомпонента фразеологического значения тематической группы «Женщина» был предпринят в разделе II. 3. Тематическая группа «Женщина» выступает как составная часть группы «Человек и его характеристики»

сферы «Бытовое». При ближайшем рассмотрении СФЕ, формирующие данную группу, обнаруживаются не только сходные, но и уникальные черты, связанные с характером восприятия явлений окружающей действительности носителями отдельно взятого языка. Основные понятия, представленные подгруппами группы «Женщина», совпадают в рассматриваемых языках. Это – «репродуктивная функция», «черты характера», «семейное положение», «внешность». Количественное же распределение внутри подгрупп в большинстве случаев неравномерно: во-первых, по той причине, что французских СФЕ было задействовано практически в три раза больше, во-вторых, мы видим в этом особенности мировоззрения носителей данного фразеологического пласта, наделяющего отдельные, более весомые для него понятия большим количеством обозначаемых, и наоборот. Семный анализ тематической группы «Женщина» показал, что образ женщины в субколлоквиальной ценностной картине мира – отрицательный. Здесь отображены такие черты внешности и характера как: докучливость, распутство, заносчивость, манерность, злобливость, физическая непривлекательность. Если и отображена физическая привлекательность, то с сугубо мачистской (мужской) позиции. В целом отрицательное видение женщины совпадает и во французском, и в русском языках. Принципиальные отличия заключаются в следующем: обозначая беременность, русская субколлоквиальная фразеология акцентирует внимание на внебрачном характере беременности: *ветром надуло, нагулять брюхо, принести в подоле*. Французский язык широко освещает физиологическую сторону женщины, ее интимную жизнь.

Глава III «Межъязыковые соответствия субколлоквиальных фразеологических единиц французского и русского языков» затрагивает вопросы межъязыковой фразеологической эквивалентности применительно к субколлоквиальной фразеологии. Разработке проблемы межъязыковой фразеологической эквивалентности (раздел III. 1.) уделялось пристальное внимание в трудах таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко, Е.Ф. Арсентьева, Л.К. Байрамова, З.З. Гатиатуллина, А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, Я.И. Рецкер, Э.М. Солодухо, А.А. Хуснутдинов, Р.А. Юсупов и др. Поиску и изучению француско-русских фразеологических соответствий субколлоквиальных фразеологических единиц предшествовал анализ факторов межъязыковой фразеологической эквивалентности (раздел III. 2.). Ценность изучения этих факторов заключается в том, что они позволяют с определенной долей вероятности предсказать наличие или отсутствие эквивалентов в одном языке по отношению к другому, а также указать на возможный характер межъязыковых фразеологических отношений в сопоставляемых языках [Райхштейн 1980]. Были изучены компонентный фактор, фактор структурно-грамматической организации, разрядной принадлежности, стилистической направленности, формальной организации и фактор

совокупного фразеологического значения. Рассмотренные факторы межъязыковой фразеологической эквивалентности позволяют сделать предположение, что характер эквивалентности между субколлоквиальными фразеологическими единицами французского и русского языков будет носить, в основном, функционально-семантическую, а не структурно-семантическую направленность. Различные факторы «против» структурно-семантической эквивалентности, не будучи представленными многочисленными примерами каждый в отдельности, вместе образуют значительную группу. Субколлоквиальная фразеология является своеобразным «сгустком» специфического, свойственного для исследуемых языков и их культур на семантическом, структурно-грамматическом и компонентном уровне, что и позволяет нам сделать предположение о низкой структурно-семантической эквивалентности на срезе субколлоквиальной фразеологии. К тому же в пределах одной ФЕ могут действовать сразу несколько факторов, несколько предрекающих закономерностей. Ср. например: *не в свои сани не лезь* – национально-культурные особенности компонентного состава в совокупности со специфической структурно-грамматической схемой фразообразования, усиленные сложным совокупным значением лишают эту СФЕ структурно-семантического эквивалента во французском языке; *gueule à coucher dehors avec son billet de logement* – выражение с инфинитивным оборотом и лексема *gueule*, употребленная в своем вторичном, арготическом значении, сводят к минимуму возможность нахождения структурно-семантического эквивалента.

При выявлении и изучении француско-русских фразеологических соответствий СФЕ используется методика обмера ФЕ, разработанная Е.Ф. Арсентьевой. Ученый рассматривает ФЕ в трех аспектах – семантическом, структурно-грамматическом и компонентном – и классифицирует фразеологизмы на: 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные); 2) фразеологические аналоги (полные и частичные); 3) безэквивалентные ФЕ [Арсентьева 1989].

К полным эквивалентам относятся субколлоквиальные фразеологические единицы французского и русского языков с одинаковыми сигнификативно-денотативным значением, субъективно-оценочной, функционально стилистической и эмоционально-экспрессивной коннотациями, структурно-грамматической организацией и компонентным составом.

Примером полной эквивалентности является пара фразеологизмов *bourrer la paillasse* – *набить брюхо*. Французская СФЕ *bourrer la paillasse* в значении «наесться досыта» является полным эквивалентом русской СФЕ *набить брюхо* по следующим признакам. Сигнификативно-денотативное значение и субъективно-оценочная коннотация характеризуются набором только интегральных сем: действия – поглощения пищи как результата или как процесса (в зависимости от времени, в котором будет употреблена ФЕ) и

качества – «досыта, т.е. до полного насыщения, вдоволь». Оба фразеологизма построены на одинаковом грубоватом образе, оба относятся к группе экспрессивно-номинативных ФЕ, совпадает их эмоционально-экспрессивная окрашенность. Как видим, интенсив присутствует не только в словарной дефиниции («досыта»), но и в скрытом виде в определении глагола «набить, набивать» - «наполнить, *втискивая* что-нибудь внутрь». Одинаков компонентный состав фразеологизмов, совпадает также их структурно-грамматическая организация: оба относятся к классу глагольных фразеологизмов и построены по синтаксической модели V + N.

Для исследуемого материала не характерны абсолютно тождественные фразеологические эквиваленты, их доля среди остальных типов соответствий невелика.

Частичные эквиваленты, т.е. ФЕ тождественной семантики, характеризующиеся незначительными расхождениями в плане выражения, которые могут носить компонентный или морфологический характер, также формируют незначительную группу.

Среди частичных эквивалентов выделяются три группы.

Первая подгруппа включает в себя фразеологизмы, различающиеся лишь одним компонентом смежной семантики.

Пара субколлоквиальных фразеологических единиц *lécher les pieds de qn* и *лизать пятки кому-либо* со значением «угодничать перед кем-либо» являются по отношению друг к другу частичными эквивалентами первой группы. Одинаковое сигнификативно-денотативное значение и презрительная отрицательная субъективно-оценочная коннотация характерны для обеих ФЕ. Как в русском, так и во французском языке их синтаксическая структура V + N. Будучи построенным на одном и том же образе, русский фразеологизм предпочел компонент более узкого смысла «пятки», тогда как французский, наоборот, – «pieds» (ноги), в этом и заключается различие этих двух фразеологизмов.

Ко второй подгруппе частичных субколлоквиальных фразеологических эквивалентов во французском и русском языках относятся ФЕ, различающиеся одним компонентом либо смежной, либо несмежной семантики при наличии также варьируемых компонентов.

СФЕ *numéroter les abattis de qn* со значением «сильно избить кого-либо» является частичным эквивалентом второго типа русского фразеологизма *пересчитать кости (ребра) кому-либо*. При совпадении сигнификативно-денотативного значения, субъективно-оценочной, функционально-стилистической, эмоционально-экспрессивной коннотации и структурно-грамматической организации эти фразеологизмы характеризуются различием в компонентах сходной понятийной семантики: «кости/ребра» в русском языке и «abattis» - «ноги и руки» во французском языке.

Третья подгруппа частичных фразеологических эквивалентов включает в себя СФЕ французского и русского языков, имеющие некоторые морфологические различия в употреблении предлога, числа, имени существительного и т.д.

Французская СФЕ *s'en jeter un coup derrière la cravate* со значением «выпивать, напиваться пьяным» вступает в отношение частичной эквивалентности с русской СФЕ *закладывать за галстук (воротник)*. Оба фразеологизма характеризуются тождественными сигнификативно-денотативным значением и субъективно-оценочной коннотацией, что можно представить в виде следующей схемы: Сп + Сотр + Сд. Они также совпадают и по эмоционально-экспрессивной коннотации – иронические фразеологизмы. И французская СФЕ, и русская единица характеризуются яркой образностью и одинаковой структурой: V + prép + N. Их компонентный состав совпадает. Различия касаются употребления специфичного полуслужебного слова *un coup* и прилагательного местоимения *en* во французском обороте.

Наиболее широко в нашем корпусе СФЕ представлены фразеологические аналоги, т.е. ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы.

По степени совпадения или различия межъязыковых фразеологических аналогов выделяются полные аналоги и частичные.

Среди полных аналогов выделяются несколько подтипов.

1) Фразеологические аналоги с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и одной одинаковой лексемой в компонентном составе. Приблизительное структурно-грамматическое сходство предполагает одинаковую разрядную принадлежность фразеологизмов: *prendre ses fesses à poignée* = *взять ноги в руки*; *fil de garce* = *сукин сын*; *casser (péter) la gueule* = *дать (врезать) в морду (рожу)*.

2) Среди аналогов самой многочисленной является группа аналогов второго типа – к ним относятся ФЕ с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и разным компонентным составом.

СФЕ *becqueter du bois* и *клать зубы на полку* имеют одинаковое сигнификативно-денотативное значение – «голодать, испытывать острую нужду, недоедать». Различия касаются плана выражения: у фразеологизмов разный компонентный состав и разные структуры глагольной организации – у французской СФЕ это V + prép + N, а у русской СФЕ – V + N + prép + N.

3) Третью группу аналогов составляют СФЕ обоих языков с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом.

СФЕ *sac d'os (à os)* и СФЕ *поддержаться не за что* обозначают худого сухощавого человека, однако русский фразеологизм характеризуется также шутливой эмоционально-экспрессивной коннотацией. В плане компонентного состава они полностью расходятся, с точки зрения структурно-грамматической организации французский оборот принадлежит к классу субстантивных, а русский – к классу глагольных фразеологизмов.

Группу частичных аналогов формируют ФЕ, занимающие промежуточное положение между безэквивалентными фразеологизмами и фразеологизмами, имеющими соответствия в сопоставляемом языке. К частичным аналогам Е.Ф. Арсентьева относит ФЕ, «имеющие приблизительное сходство в значении, разный компонентный состав и разную или характеризующуюся приблизительным сходством структурно-грамматическую организацию» [Арсентьева 1989:113].

Французская СФЕ *avoir le pouce rond* - «быть проворным, хитрым» и русская СФЕ *Лиса Патрикеевна* - «лукавый, хитрый, пронырливый, проныра, лстец» - имеют общие семы характера, хитрости, проворства как черт характера, но русский фразеологизм характеризуется не только наличием семы лстивости, он также «осложнен» фоновыми знаниями (термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), которые стоят за самим словосочетанием «Лиса Патрикеевна» - персонажа народного фольклора, знакомого каждому русскому человеку с детства. Различаясь на компонентном и структурно-грамматическом уровнях, данные СФЕ являются по отношению друг к другу частичными аналогами.

Для исследуемого корпуса ФЕ очень характерны неоднозначные соответствия (термин А.Д. Райхштейна), т.е. соответствие одной СФЕ французского языка двум или более СФЕ русского языка и наоборот. Явление неоднозначного соответствия свойственно, как правило, большим тематическим группам, подгруппам и синонимическим рядам и это положение подтверждается многочисленными примерами из нашего материала: *se caler les amygdales (babines) = se caler (se coller dans, jouer) des badigoinces = se les caler = унысывать за обе щеки; aller par haut = поехать в Пузу = исполнить арию Риголетто* и др.

Члены синонимических рядов, тематических групп и подгрупп могут вступать в разные отношения друг с другом и эти отношения могут иметь разные типы соответствий.

Явление безэквивалентности, т.е. отсутствие соответствия ФЕ одного языка во фразеологической системе другого языка, применительно к субколлоквиальной фразеологии может носить как узкий, так и широкий характер. В узком плане безэквивалентность затрагивает конкретную единицу, которая не имеет соответствия в сопоставляемом языке. Широкий характер безэквивалентность приобретает, когда затрагивает целые тематические группы, присутствующие в одном языке и отсутствующие в другом, как, например, «дружба», «думать, размышлять», «принуждать» для русского языка и «представители

власти», «явления природы» и многочисленные СФЕ, формирующие группы по обозначению разнообразных аспектов человеческого тела, «низа» и связанных с ними процессов во французском языке.

Безэквивалентные ФЕ разделяются на три подгруппы:

1) ФЕ языка-источника, семантику которых можно передать на языке-рецепторе только с помощью словосочетаний, развернутых описаний. В нашем материале примерами подобных СФЕ являются: *prendre la vache et son veau* – *предосуд.* жениться на женщине беременной от другого; *свинья в ермолке* – *презр.* о чванливом человеке с большими претензиями, ничем не обоснованными и др.

Наиболее подходящий вид перевода безэквивалентных СФЕ этого типа – описательный перевод.

Перевод данного вида фразеологизмов возможен и при помощи калькирования. Положительная сторона подобного перевода заключается в максимальном сохранении как всех компонентов значения, так и структурно-грамматической и компонентной организации фразеологизма *déculotter sa pensée* – *букв. обнажить мысль* – выдать сокровенные мысли. Однако при переводе при помощи калькирования остается большая вероятность, что исходный образ ФЕ будет несколько чужд для носителей языка-перевода и они могут его истолковать неверно. Ср. например: *tuer les mouches au vol (à quinze pas)* – *букв. убивать мух на лету (на расстоянии пятнадцати шагов)* – издавать неприятный запах изо рта.

2) ФЕ языка-источника, имеющие семантическое соответствие в языке-рецепторе в виде отдельной лексемы или набора отдельных лексем. Фразеологизмы этой группы принадлежат преимущественно к классу экспрессивно-номинативных ФЕ и переводятся, в основном, при помощи лексического перевода, либо лексемами конвенционального языка, которые они дублируют, либо их лексическими субколлоквиальными эквивалентами (что позволяет сохранить их функционально-стилистическую коннотацию): *enculeur de mouches* – крючоктвор, придира; *jus de chaussette* – бурда (о плохом напитке).

При использовании лексического перевода не удастся сохранить план выражения, однако сигнификтивно-денотативное значение, субъективно-оценочную коннотацию и отчасти эмоционально-экспрессивную коннотацию передать вполне возможно. При употреблении в переводе лексем субколлоквиального словаря наряду с конвенциональными, возможно также отразить и функционально-стилистическую направленность ФЕ.

Данная группа безэквивалентных фразеологизмов является наиболее многочисленной в нашем материале.

3) ФЕ, чья семантика может быть отражена в переводе как при помощи отдельных лексем, так и описательных конструкций, а также калькирования, формируют третью,

смешанную группу безэквивалентных СФЕ: *jouer des mains* – жульничать, плутовать, проявлять «ловкость рук». Среди СФЕ второй группы, нам кажется целесообразным, некоторые из них сопровождать переводом при помощи калькирования – таким образом будет сохранена юмористически - сатирическая направленность ФЕ; тем более что образ у подобных фразеологизмов яркий и понятный: *bronzé comme un cachet d'aspirine* – бледный – загорелый как таблетка аспирина; *étagère à mégots* – ухо – полка для окурков и др.

Таким образом, группу безэквивалентных СФЕ формируют в основном единицы, отличающиеся сложным сигнификативно-денотативным значением, наличием национально-культурного компонента семантики, специфическим структурно-грамматическим оформлением. Безэквивалентные СФЕ рекомендуется переводить при помощи описательного перевода, лексемного перевода, перевода при помощи калькирования и комбинированного перевода.

В **Заключении** обобщаются выводы, полученные в ходе исследования.

С одной стороны, субколлоквиальный пласт фразеологии как французского, так и русского языков отличается неоднородностью в функционально-стилистическом аспекте, т.е. включает в себя единицы просторечного, грубо-просторечного, арготического, общеарготического (для французского языка), жаргонного, общежаргонного порядка. С другой стороны, в условиях переживаемой ситуации демократизации языка наблюдается подвижность стилистических границ и подобное разделение ФЕ на регистры носит достаточно условный характер, поэтому имеет смысл объединить данные явления в отдельный пласт субколлоквиальных ФЕ.

Как во французском, так и русском языке при богатстве словарного состава, констатируется относительная ограниченность обозначаемых элементов действительности на субколлоквиальном фразеологическом срезе. Это вызвано, во-первых, как фрагментарностью самой фразеологии в целом, так и особенностями мировоззрения носителей субколлоквиального словаря, обуславливающим определенный тематический набор групп в обоих языках в изучаемом материале.

Субколлоквиальный фразеологический словарь обоих языков условно подразделяется на четыре крупные семантические сферы: «Бытовое», «Эмоциональное», «Интеллектуальное» и «Социально-государственное», среди которых наиболее развитой как в количественном, так и в структурном плане для обоих языков является сфера «Бытовое».

Крупные тематические группы в основном совпадают в сопоставляемых языках. Проявление национально-культурной специфики заключается как в тематических доминантах, так и в количественной наполняемости отдельных групп и во внутригрупповом распределении СФЕ на оси «центр-периферия». Зачастую тематические группы СФЕ

французского языка превосходят по количественному составу аналогичные группы в русском языке вследствие развитой синонимии, характерной для данного пласта во французском языке.

Специфическими группами в субколлоквиальном словаре французского языка по отношению к русскому языку являются тематические группы, обозначающие явления природы, представителей власти и разнообразные аспекты человеческого «низа» и связанных с ним процессов. В русском языке подобной специфичностью обладают следующие группы: «дружба», «думать, размышлять», «принуждать».

Вследствие значительных структурно-грамматических расхождений французского и русского языков структурно-семантическая эквивалентность в изучаемом материале очень низка и характер эквивалентности носит функционально-семантическую направленность.

Самым репрезентативным типом межъязыковых фразеологических отношений в изучаемом корпусе ФЕ являются фразеологические аналоги, среди которых, в свою очередь, наиболее объемной является группа фразеологических аналогов второго типа – ФЕ, выражающие одинаковое или приблизительное содержание при приблизительном сходстве структурно-грамматической организации и различиях в компонентном составе. Для исследуемого материала очень характерны неоднозначные соответствия, при которых фразеологизм одного языка может соответствовать нескольким фразеологизмам, а зачастую и целому синонимическому ряду другого языка. Безэквивалентность может носить как узкий характер – отсутствие соответствия конкретной СФЕ, так и широкий характер – отсутствие соответствия целой тематической группе.

В целом, сопоставительный анализ показал, что субколлоквиальные ФЕ французского и русского языков имеют как универсальные черты, обусловленные общей отрицательно-игровой направленностью мировоззрения носителей данного субколлоквиального словаря, так и уникальные черты, связанные с проявлением национального характера и видения мира.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Мавлюдова Л.И. Сопоставительный анализ фразеологических единиц сниженной стилистической маркированности, относящихся к тематической группе «Женщина», во французском и русском языках / Л.И. Мавлюдова // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: Материалы Всероссийской научной конференции, 28 – 29 мая 2001. – Челябинск: ЧГУ, 2001. – с. 311 – 318.
2. Мавлюдова Л.И. О сопоставительном анализе субколлоквиальных фразеологических единиц французского и русского языков / Л.И. Мавлюдова //

- Бодуэновские чтения: Труды и материалы Международной научной конференции, 11 – 13 декабря 2001. – Казань, 2001. – Т.2. – с. 113 –114.
3. Мавлюдова Л.И. Категория арго во французском и русском языкознании / Л.И. Мавлюдова // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 29 – 31 октября 2002. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – с. 75 – 76.
 4. Мавлюдова Л.И. Социальные функции французского арго / Л.И. Мавлюдова // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ, 30 ноября – 2 декабря 2001. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – с. 213 – 214.
 5. Мавлюдова Л.И. Тематика субколлоквиальной фразеологии и ее национально-культурные особенности во французском и русском языках / Л.И. Мавлюдова // Язык и методика его преподавания: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 16 июня 2004. – Казань: КГУ, 2004. – Ч. I. – с. 90 – 101.
 6. Мавлюдова Л.И. Французско-русские соответствия субколлоквиальных фразеологических единиц / Л.И. Мавлюдова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Труды и материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета, 4 – 6 октября 2004. – Казань: КГУ, 2004. – с. 66 – 67.